

УДК 821.161.1 А. И. Цветаева
ББК 84(2)

Медведев Александр Александрович
кандидат филологических наук,
доцент
кафедра русской литературы
Тюменский государственный университет
г. Тюмень
Medvedev Aleksander Aleksandrovich
Candidate of Philological Sciences,
Assistant Professor
Department of Russian Literature
Tyumen State University
Tyumen
amedv1@yandex.ru

Концепт тишины в лирике А.И. Цветаевой 1937-1943 гг.
The concept of Quietness in Anastasia Tsvetaeva's lyrics 1937-1943

В статье анализируется тишина как ключевой концепт в лирике А.И. Цветаевой 1937-1943 гг., в котором раскрываются такие значения, как молитвенность, созерцательность, Богоприсутствие, страдание, смирение, свобода, вечность. В цветаевском концепте тишины автор выявляет романтическую традицию сакрализации тишины и ее исихастский источник, обращение к которым определило метафизическую поэтику цветаевской лирики.

This article analyses the Quietness as a key concept in Anastasia Tsvetaeva's lyrics from 1937-1943, which reveals the values such as the prayerful, the contemplative, God's presence, the suffering, the humility, the freedom, the eternity. In Tsvetaeva's concept of Quietness the author reveals the romantic tradition the sacralization of Quietness and its the hesychast source, that determined the metaphysical poetics of Tsvetaeva's lyrics.

Ключевые слова: А.И. Цветаева; лирика; концепт тишины; романтизм; исихазм.

Key words: Anastasia Tsvetaeva; lyrics; concept of Quietness; romanticism; hesychasm.

А.И. Цветаева начала писать стихи в сорок лет, в 1934 г., но «поток» стихов начался в тюремном заключении (сентябрь 1937 – январь 1938 гг.) и продолжался в лагерях до августа 1943 г., когда она узнала о гибели сестры, после чего стихи прекратились. Для цветаевской поэзии значима прежде всего романтическая традиция в лице Лермонтова и метафизическая лирика Тютчева. Стихи Цветаевой пронизаны глубоким религиозным мироощущением, близки

псалмической молитве – для них характерны глубоко личное призывание Бога и Божией Матери, взывание «de profundis» о помощи и заступничестве («Сюита оконная» (<1937>), «Разрешающий аккорд (утешение)» (<1943>), «Благовещение» (<1938>)), благодарение Творца («Заката огненные воды») и созерцательный восторг перед красотой Божьего Творения («Доминант-аккорд (Летняя ночь)»).

Духовный переворот, обращение к Богу Цветаева пережила после смерти мужа и сына в 1917 г. В 1922 г. произошла ее встреча с Б.М. Зубакиным, которого Цветаева называла «многолетним другом», «духовным отцом». Зубакин во многом определил ее духовный путь – под его влиянием 28-летняя Цветаева возвращается к церковной жизни, становится по сути монахиней в миру: не принимая пострига, дает тайные обеты целомудрия, нестяжания, невкушения мяса и отказа от лжи. В своем духовном пути Цветаева актуализировала «великое послушание в миру», на которое Достоевский благословил Алешу Карамазова и которое в XX столетии нашло свое продолжение в подвижничестве великой княгини Елизаветы Феодоровны, матери Марии (Скобцовой), в жизни А.Ф. Лосева, М.В. Юдиной, Н.А. Павлович и др., соединивших монашеское дело с каритативным служением ближнему. Цветаевская религиозность соединила в себе глубокое церковное православие, глубокий мистицизм, русскую и европейскую религиозно-философскую традиции.

Тишина (тихость) становится ключевым мотивом в лирике Цветаевой. Стихотворение «Доминант-аккорд (Летняя ночь)» строится на трагическом контрасте созерцания первозданной красоты летней ночи и противоестественной жизни человека в лагере. Божественная первозданность сибирской природы конституируется образами тишины, тайги, звездного неба, молитвенного возгласа, летней ночи и Творца:

Тишина над тайгою вся в звёздах – о Боже!

Да ведь это же – летняя ночь!

А я в лагере! Что же мне делать, что же?

Жить этой ночью – невмочь [10, с. 84].

Здесь тишина – ключевой концепт, выражающий присутствие Творца в творении, в первозданной красоте сибирской природы, и молитвенное состояние души. Молитвенная семантика тишины присутствует и в других стихах: «Вот все уснут, и в ночи тишине / Смирненно буду я молить у Бога» [там же, с. 40]; «Потихоньку земной поклон кладу / В Благовещенье» [там же, с. 134]. Тишина усиливает молитвенную созерцательность в восприятии мироздания, предстающего в образах таинственно мерцающей звезды [там же, с. 87, 103, 132, 135] и восхода солнца («Я не сплю, вокруг дыханья тишь... / <...> Солнце выплывает лёгким жарким шаром / В сталактитовы моря небес!» [там же, с. 79-80]) как знаках Богоприсутствия и духовного спасения.

В inferнальном пространстве тюрьмы и лагеря тишина (тихость, молчание) выражает глубину страдания: «...Как странно начинать писать стихи, / Которым, может, век не прозвучать... / Так будьте же, слова мои, т и х и, / На вас тюремная лежит печать» [там же, с. 25-26]; «<...> Молчи, – / Слушай эту песню за стеною, / <...> Так поют, что я сейчас завою» [там же, с. 82]; «<...> И тихо в Божьи длани / Восходит дым немислимых разлук. // <...> Черны, страшны ночных деревьев тени, / Но звёзден неба сев! Крепись, молчи!» [там же, с. 132]; «Молчания забрами покрою / Моей судьбы неуловимый лик!» [там же, с. 103].

Тишина знаменует собой переход в иной мир: в переполненной тюремной камере ночная тишина («Миг совершенно смертной тишины») позволяет уйти «в Великий / И тихий космоса зеленый океан» [там же, с. 29], она выступает границей перехода в иную реальность:

Мой собеседник тихо з а с ы п а е т! –

<...> ...И снова вечер, и опять мой друг

По просьбе тихой место уступает

Сопутнику, чей несравненный круг

Высокой дружбой сердце согревает

И тихо мы беседуем о том <...> [там же, с. 74-75].

В аду тюрьмы и лагеря тишина – священна («В раю – среди ада – в тишине / священной» [там же, с. 42]), она становится сущностным атрибутом вечности: «С тихой вечностью в ладу» [там же, с. 82]. Тихость – важная черта в духовном облике Б.М. Зубакина, отсылающая к словам Христа об апостолах («будьте мудры, как змии, и просты, как голуби» (Мф. 10, 16)): «И день влача / Как улитка дом, ползти тихонько к смерти / Тих как голубь, мудрый как змея...» [там же, с. 93].

В отрывке «Весна» весенняя тишина, приобщая к весеннему освобождению природы, возвращает хотя бы на время ощущение свободы:

...Тишина, и первое тепло, и крики птичьи –

Тенью раскалённой тишины.

Я на миг – одна. На краткий миг обличье

Жизни – прежнее, и беззаботно кличет

Сердце всласть дыханья и весны... [там же, с. 133].

Цветаева продолжает романтический культ, романтическую традицию апофатической «несказанности» тишины и молчания. Как отмечает И.М. Семенко, тишина – один из характернейших образов В.А. Жуковского: «О тихое небес задумчивых светило» («Вечер»); «Душа полна прохладной тишиной» («Рыбак»); «Сладкой тишиной» («К месяцу»); «Смущая тишину паденьем» («Славянка») и др. [7, с. 79]. Наиболее концептуально мотив тишины представлен в элегии «Славянка» (1815): тишина березовой рощи («И воцарилась повсюду тишина») становится мистическим пространством «видения прекрасного», сакральной встречи души с «невидимым», с «чистым ангелом».

Духовным источником этой романтической традиции сакрализации тишины является исихазм (от *греч.* hesychia – безмолвие сердца) – безмолвничество – древняя мистическая практика и богословская традиция восточнохристианского монашества, в основе которой – творение молитвы Иисусовой. Свое богословское осмысление практика умного делания, исихастская мистика безмолвия и света получила в учении св. Григория Паламы (†1359) о Фаворском свете и божественных,

нетварных энергиях. Греческие значения *hesychia* (покой; тишина, молчание; мир; уединение) влились в *цсл.* **Тихій, Тихость, Тишина** (а через них и в *русск.* «тихий», «тишина»), звукообраз которых благодаря фонетическому созвучию *ихи/их* оказывается ближе к **исихии**, чем «молчание» и «безмолвие»: «**Тихий** – благосклонный, кроткий; тихий, спокойный; безмятежный, тихий. **Тихость** – ясность духа. **Тихостный** – тихий, кроткий» [3, с. 722]. «**Тихость**» – сущностная черта православного образа Христа, например, в «Каноне молебном ко Пресвятой Богородице», где Он именуется с отсылкой к евангельскому чуду прекращения Христом «великой бури» (Мк. 4, 37-40) «**Начальником тишины**» [5, с. 30], или у преп. Силуана Афонского: «Твой *тихий*, кроткий взор душа забыть не может» [9, с. 17, 25, 38]. *Цсл.* и *русск.* «тихий», как и «тёплый» (*цсл.* «**Теплая** (горячая, ревностная) **Предстательница**»), образует сам образ традиционного русского православия – «тихого и тёплого» [6, с. 17]. О тишине как ключевом концепте христианства и романтизма см.: [4, с. 28-45].

Богословский ключ к цветаевскому восприятию тишины и молчания – эпитафия к первой главке под названием «Любите молчание» во французской книге о знаменитой католической святой Бернадетте Лурдской (1844-1879, канонизирована в 1933 г.), которую Цветаева перевела в 1976-1987 гг. Приведенные в эпитафии слова основателя Общины сестер в Невере Дома де Лавейна выражают исихастское богословие молчания: «Будьте внимательны к тому, чтобы удержать ваш язык и наблюдать за собой. Пусть скромность и милосердие раскрывают ваши уста. И вводите в жизнь вашу совет св. Грегуара – нарушать молчание лишь такими словами, которые стоят больше молчания. Молчание – самый верный знак присутствия Божьего в душе» [8, с. 5]. Св. Грегуар – французская форма имени свят. Григория Богослова (IV в.), мысль которого и приводится в эпитафии: «Говори, когда имеешь нечто лучше молчания, возлюби безмолвие, где молчание лучше слова; ты знаешь, что похвально заповедать чин устам (Притч. 31, 26); об ином говорить, иное только слушать, иное одобрять, а другое отвергать, но без огорчения» [2, с. 561-583]. Святитель отсылает

к библейскому первоисточнику: «Уста свои открывает с мудростью, и кроткое наставление на языке ее» (Прит. 31, 26). Исихастское понимание молчания звучит и в словах самой Цветаевой: «Не досадуй на своих ближних, но сострадай им... А мы разве **так** живем? И мы вместо сладости молчания – в горечи осуждающих слов...» [1, с. 196-197]. В исихастской традиции «сладостность безмолвия» – признак присутствия Благодати, действие Святого Духа.

В финальном стихотворении «Разрешающий аккорд (утешение)» (1943, сталинский лагерь на Дальнем Востоке) предельная «каторжная» ситуация, телесные страдания только усиливают человеческий дух («недуг, сжигая тело, поит дух»). Исходом, избавлением от физических страданий видится телесная смерть как освобождение крылатой души и приобщение ее вечности и бессмертию, «где тихо и светло»:

Недолго нам от вечности таиться,
Запратав голову под смертное крыло, –
Настанет час души! И вещей птицей
Бессмертия живой воды напиться
Из мрака тела – в дух, где тихо и светло! [10, с. 135].

И в последнем стихотворении Цветаевой «Восемьдесят лет» (1974) образ молчания, являясь ключевым, также выражает томление духа по иному миру:

Уж ведомо предвестие томленья
Тоска веселья, трезвость на пиру,
Молчания прикосновенье
К замедлившему на строке перу [там же, с. 136].

Таким образом, тишина является ключевым концептом в лирике А.И. Цветаевой 1937-1943 гг., в котором раскрываются такие значения, как молитвенность, созерцательность, Богоприсутствие, страдание, мир иной, смирение, свобода, вечность. В цветаевском концепте тишины романтическая сакрализация, апофатика тишины сливается с исихастской традицией, что определяет метафизическую поэтику цветаевской лирики.



Библиографический список

1. Цветаева, А.И. «Встреча с Вечностью»: Из бесед, воспоминаний и писем А.И. Цветаевой / Публ. Г.К. Васильева, Г.Я. Никитиной, А.А. Медведева [Текст] / А.И. Цветаева // Вестник РХД. Париж – Н.-Йорк – М., 2004. – №2(188). – С. 196-200.
2. Григорий Богослов, свят. Собрание творений: в 2 т. [Текст] / Григорий Богослов. – Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2000. – Т. 1. – 832 с.
3. Дьяченко, Г., свящ. Полный церковнославянский словарь [Текст] / Г. Дьяченко. – М.: Издательский отдел Московского Патриархата, 1993. – 1120 с.
4. Медведев, А.А. Тишина как духовный концепт в творчестве В.В. Розанова [Текст] / А.А. Медведев // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Сер. Гуманитар. Науки: Энтелехия, 2012. – №25. – С. 28-45.
5. Православный молитвослов и Псалтырь [Текст]. – М.: Издание Московской Патриархии, 1993. – 256 с.
6. Седакова, О.А. Словарь трудных слов из богослужения: Церковнославяно-русские паронимы [Текст] / О.А. Седакова. – М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2008. – 432 с.
7. Семенко, И.М. Поэты пушкинской поры [Текст] / И.М. Семенко. – М.: Худож. лит., 1970. – 295 с.
8. Сен-Пьер, М. Бернадетта и Лурд / Пер. с фр. А.И. Цветаевой [Текст] / М. Сен-Пьер. – М.: Общедоступный Православный Университет, 2006. – 208 с.
9. Силуан Афонский, преп. Псалмы. Молитвы / Сост. архим. Виктор (Мамонтов) [Текст] / Силуан Афонский. – М.: Св.-Филаретовская МВПХШ, 2000. – 143 с.
10. Цветаева, А.И. Мой единственный сборник: Стихи / Сост. и комм. Ст. Айдиняна [Текст] / А.И. Цветаева. – М.: Дом-музей М. Цветаевой; Изограф, 1995. – 207 с.

Bibliography

1. Tsvetaeva, A.I. «Meeting with Eternity»: from the interviews, memoirs and letters of A.I. Tsvetaeva / Publication by G.K. Vasilyev, G.Y. Nikitina, A.A. Medvedev [Text] / A.I. Tsvetaeva // Herald of the Russian Christian movement. – Paris – New York – Moscow, 2004. – №2(188). – Pp. 196-200.
2. Gregory the Theologian, st. Collected works: in 2 vol. [Text] / Gregory the Theologian. – Minsk: Harvest, Moscow: AST, 2000. – Vol. 1. – 832 p.
3. Dyachenko, G., priest. Full Church Slavonic dictionary [Text] / G. Dyachenko. – Moscow: Publishing Department of the Moscow Patriarchate, 1993. – 1120 p.
4. Medvedev, A.A. Quietness as a spiritual concept in the work of V.V. Rozanov [Text] / A.A. Medvedev // Herald of the Kostroma State University named after N.A. Nekrasov. Series Human Sciences: Entelechy, 2012. – №25. – Pp. 28-45.
5. Orthodox prayer book and Psalter [Text]. – Moscow: The publication of the Moscow Patriarchate, 1993. – 256 p.
6. Sedakova, O.A. Glossary of difficult words of worship: Church Slavonic-Russian paronyms [Text] / O.A. Sedakova. – Moscow: Greco-Latin cabinet Y.A. Shichalina, 2008. – 432 p.
7. Semenko, I.M. Poets Pushkin's time [Text] / I.M. Semenko. – Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1970. – 295 p.
8. Sen-Pier, M. Bernadette and Lourdes / Translated from the French by A.I. Tsvetaeva [Text] / M. Sen-Pier. – Moscow: Public Orthodox University, 2006. – 208 p.
9. Silouan the Athonite, st. Psalms. Prayers / Comp. by archim. Victor (Mamontov) [Text] / Silouan the Athonite. – Moscow: St. Filaret MPPHS, 2000. – 143 p.
10. Tsvetaeva, A.I. My only collection: Poems / Comp. and comment. by St. Aydinian [Text] / A.I. Tsvetaeva. – Moscow: House Museum M. Tsvetaeva; Izograf, 1995. – 207 p.